

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ЮРИСПРУДЕНЦИИ

УГОЛОВНОЕ ПРАВО

Категории «вменяемость» и «невменяемость» в российском уголовном праве XIX – начала XX вв.

Б.А. МОЛЧАНОВ – профессор кафедры уголовного права и процесса юридического факультета Российского университета дружбы народов, доктор юридических наук, профессор;

Ю.С. АНЦИФЕРОВА – старший преподаватель кафедры конституционного и муниципального права Владимирского государственного университета

В статье рассматриваются категории «вменяемость» и «невменяемость» применительно к уголовному праву России XIX – начала XX вв. Автор анализирует и сравнивает представления В.Д. Спасовича, Л.Е. Владимирова, Н.С. Таганцева и других выдающихся ученых России того периода о категориях «вменяемость» и «невменяемость» в уголовном праве. Рассматривается эволюция данных понятий в российском уголовном законодательстве.

Ключевые слова: вменяемость; невменяемость; наука уголовного права; уголовное законодательство России.

The categories of «sanity» and «insanity» in the criminal law and in Russia XIX – early XX century

B.A. MOLCHANOV – Professor of the Chair for Criminal Law and Procedure of the Russian University of Friendship of Peoples, Doctor in Law, Professor;

J.S. ANTSIFEROVA – Senior Lecturer of the Chair for Constitutional and Municipal Law of the Vladimir State University

The article considers the category of «sanity» and «insanity» concerning the criminal law of Russia XIX – early XX century. The author analyzes and compares the concepts of the categories of «sanity» and «insanity» in criminal law of V.D. Spasovich, L.E. Vladimirov, N.S. Tagantsev and other eminent Russian scientists XIX – early XX century. The evolution of these categories in the Russian criminal law is considered here.

Key words: sanity; insanity; the science of criminal law; criminal law of Russia.

В XIX в. понятийно-категориальный аппарат науки уголовного права в России только формировался и существенно отличался от современного. В частности, на тот момент еще не установилась терминология, относя-

щаяся к субъекту преступления, категориям и содержанию вменяемости и невменяемости. Например, в первой половине XIX в. Г. Солнцев называл субъектов преступления «учинителями», а также лицами, «кои могут

делать преступления»¹. С. Баршев ограничивался категорией «преступники»². А уже во второй половине XIX в. В.Д. Спасович, Н.А. Неклюдов стали употреблять термин «субъект преступления»³.

Уголовные законодательства западноевропейских государств и России ни в XIX в., ни в XX в. не закрепляли понятия «вменяемость», как не закрепляет его и современное уголовное законодательство. С XIX в. имеет место презумпция вменяемости⁴. Но в научной среде определение вменяемости вызывало и вызывает споры⁵.

Например, в Западной Европе в первой половине XIX в. А. Фейербах под вменяемостью понимал «душевное качество, которое служит основанием к наказанию человека»⁶. Вменяемость он определял как восприимчивость правонарушителя к устрашению. В России в первой половине XIX в. криминалисты не использовали категорию «вменяемость». О воззрениях российских криминалистов первой половины XIX в. на вменяемость не упоминал в своем фундаментальном труде по истории науки уголовного права в России Г.С. Фельдштейн⁷. Не встречается эта категория и в исследованных нами трудах российских криминалистов того периода⁸. Это можно объяснить тем, что в развивавшейся под влиянием благоприятных политических условий и потребностей государства и общества науке уголовного права в России в первой половине XIX в. в полной мере не сформировался русскоязычный понятийно-категориальный аппарат. Об этом свидетельствует то, что российские криминалисты в то время, не используя категорию «вменяемость», указывали, что субъекту преступления должны быть свойственны волевые и интеллектуальные качества.

Например, Г. Солнцев в 1820 г. отмечал, что правонарушитель должен обладать свободой, которая включает разум и свободную волю. Сознание и волю как свойства субъекта преступления рассматривал В. Евпатыевский, читавший в 20-х гг. в Петербургском университете теорию уголовного права.

П. Гуляев указывал, что свобода воли и сознание являются предпосылкой вины. Примечательно, что как предпосылка вины вменяемость рассматривалась некоторыми авторами и в XX в.⁹ В современном уголовном праве общепризнанно, что вина и вменяемость связаны через состав преступления и вместе обеспечивают действие принципа субъективного вменения¹⁰.

П. Гуляев считал, что преступлениями являются только умышленные деяния, в качестве признака которых выступает намеренность. При этом намерение совершить преступление, по мнению данного ученого, должно быть свободным. Деяния, совершенные при «помешательстве ума», он относил к неумышленным наравне с принуждением и случайностью¹¹.

Во второй половине XIX в. российские криминалисты начали употреблять термин «вменяемость», но понимали его неодинаково: как состояние человека, способность человека, предпосылку вины, уголовной ответственности.

Так, В.Д. Спасович вменяемостью считал «состояние человека, в котором по присутствию в нем сознания он внутренне свободен, так что совершаемые им действия могут быть относимы на его счет, ставимы ему в вину»¹².

Л.Е. Владимиров полагал, что вменяемость – это «способность человека отвечать перед законом за совершенное деяние, физическое свойство и правовое значение которого он сознавал и на которое он решился актом свободного волеопределения»¹³.

Н.С. Таганцев и авторы «Краткого курса русского уголовного права» рассматривали вменяемость как разновидность понятия дееспособности, предполагающей правоотношение и ответственность¹⁴.

При этом в науке уголовного права во второй половине XIX в. в отличие от уголовного законодательства (Уложения о наказаниях уголовных и исправительных и Уложения о наказаниях, налагаемых мировыми судьями) разграничивались понятия «вменяемость», «вменение», «вменимость».

Например, Н.С. Таганцев указывал, что вменяемость – это способность субъекта преступления (его свойство) быть виновным; вменимость – свойства деяния, благодаря которым оно может быть поставлено в вину; вменение – процесс поставления деяния в вину субъекту преступления¹⁵.

Таким образом, одни российские криминалисты XIX в. понимали вменяемость как свойство субъекта преступления, другие – как предпосылку вины, третьи – как разновидность понятия дееспособности. При этом ученые в своих воззрениях сходились на том, что вменяемость относится к субъекту преступления и является обязательным условием для уголовной ответственности. В отличие от криминалистов XX в. они не указывали на то, что лицо должно быть вменяемым именно в момент совершения преступления.

Из сказанного следует, что особый вклад в становление категории «вменяемость» внесли криминалисты классической школы уголовного права, которые причиной человеческих действий признавали свободу, волю и разум. Еще не используя понятие «вменяемость», они указывали, что субъект преступления должен обладать волевыми и интеллектуальными качествами, то есть, с современной точки зрения, делали акцент на волевом и интеллектуальном моментах, которые во второй половине XIX в. получили название юридического критерия вменяемости.

Категория «невменяемость», в отличие от категории «вменяемость», применялась российскими криминалистами уже в первой половине XIX в. Но рассматривали они ее не в контексте изучения субъекта преступления, а как одну из причин «невменения» деяния – «невменяемости преступления в вину», наравне с необходимой обороной, крайней необходимостью, исполнением приказа или распоряжения. Такой подход к невменяемости в теории уголовного права XIX в. получил название «перечневая система причин невменяемости». Он сложился на основании консолидации норм о непривлечении к уголовной ответственности. На его основе с развитием науки уголовного права возник обобщенный (дефинитивный) подход к невменяемости.

Перечневый подход к невменяемости применялся в уголовном праве России начиная с работы над проектом Уголовного уложения 1813 г., по которому вместо дефиниции невменяемости перечислялись болезненные состояния психики и особые психофизические состояния правонарушителей, рассматривавшиеся как условия освобождения от уголовной ответственности¹⁶, то есть, с современной точки зрения, невменяемость устанавливалась на основании медицинского критерия.

Обобщенный (дефинитивный) подход к невменяемости был отражен во французском Уголовном кодексе 1810 г. (атр. 64.), согласно которому «нет ни преступления, ни проступка, если во время совершения действия обвиняемый находился в состоянии безумия (*démence*)»¹⁷. Термин «*démence*» указывал на определенную форму умственного помешательства, которое при расширительном толковании могло пониматься как умственное расстройство. Оставалось неясным, следует ли на практике относить к понятию «*démence*» другие психические расстройства.

Из российских криминалистов первым дефиницию невменяемости сформулировал В.Д. Спасович. Под состоянием невменяемости он понимал состояние, в котором «по отсутствию или искажению сознания деяния данного человека не могут быть признаваемы сознательными»¹⁸.

С современной точки зрения представляется, что последователи классической школы уголовного права XIX в., относя вменяемость к учению о субъекте преступления, а невменяемость – к учению о невменении, рассматриваемом ими при анализе объективной стороны преступления, искусственно дробили учение о вменяемости и невменяемости, а также смешивали понятия «вменяемость» и «вменение»¹⁹. Но согласно индетерминистским воззрениям (причиной действий человека является его свободная воля), которых придерживались криминалисты классической школы, разделение учения о вменяемости и невменяемости было логически обоснованно. Свободу воли они рассматривали как основание всего уголовного права: не только как признак субъекта преступления, но и как признак преступления. Свобода воли, с их точки зрения, могла отсутствовать как по субъективным основаниям – психической болезни, возрасту и некоторым другим причинам, так и по объективным основаниям (допускаемым И. Кантом, Г. Гегелем) – ограничению свободы воли в силу влияния на нее внешних факторов, таких как необходимая оборона, крайняя необходимостью, исполнение приказа и др. В частности, Н. Давыдов указывал, что преступление не вменяется по «недостатку воли» или «способности самоопределения»²⁰. С.И. Баршев отмечал, что причины невменения преступления могут как содержаться в нем самом, так и быть связаны с внешними причинами²¹.

Таким образом, становление категорий «вменяемость» и «невменяемость» в науке российского уголовного права связано с деятельностью криминалистов классической школы, которые причиной действий человека считали наличие у него свободной воли и (или) сознания.

Безусловно, представляют интерес воззрения на вменяемость и невменяемость представителей антропологической (Д.А. Дриль, В.Ф. Чиж) и социологической (В.В. Есипов, П.П. Пусторослев) школ в России, которые уже переоценивали уголовно-правовое значение категорий «вменяемость» и «невменяемость», принятое за основу представителями классической школы уголовного права.

Криминалисты-классики XIX в. сформулировали понятия вменяемости и невменяемости, установили презумпцию вменяемости. Они указали, что для признания правонарушителя виновным в преступлении и подлежащим уголовной ответственности он должен обладать интеллектуальными и волевыми признаками, выделили медицинские условия невменяемости.

Вслед за западноевропейскими коллегами они подняли вопросы о содержании юридического критерия вменяемости, перечне условий невменяемости, соотношении интеллектуальных, волевых и психофизических свойств правонарушителя и их влиянии на уголовную ответственность.

Криминалистов классической школы уголовного права с современных позиций можно упрекнуть в том, что:

- они не конкретизировали, что вменяемость или невменяемость должна устанавливаться на момент совершения преступления;
- имели место противоречия в понимании ими свободной воли и границ сознания, при которых правонарушитель должен признаваться вменяемым или невменяемым;
- во вменяемость и невменяемость они включали возраст вменяемости или невменяемости, тогда как в современном уголовном праве возраст выступает самостоятельным признаком субъекта преступления;
- невменяемость рассматривалась ими не как самостоятельная категория, а как одна из причин невменяемости.

Неточность и противоречивость терминологии, касающейся вопросов вменяемости и невменяемости, может объясняться применением метафизической методологии, которая преобладала до середины XIX в. не только в уголовном праве, но также в психиатрии и психологии. Психическая деятельность человека в то время оценивалась с точки зрения учения И. Канта о трансцендентном и трансцендентальном, врожденном представлении человека о добре и зле, правомерном и противоправном. По этой теории вменяемость зависит от наличия сознания и свободы воли как природных свойств человека без учета сложности процесса сознания и проявления воли. Из-за недостаточности естественнонаучных

знаний и эмпирического материала имели место неточность терминологии, неясность в вопросах соотношения воли и сознания, противоречивость воззрений на различные психические состояния (например, на мономанию кражи), взаимозависимость физиологии, мозга и психики, источник умственных болезней и др.²² Соответственно, психиатрия и психология не могли способствовать иному развитию уголовно-правовых воззрений на вменяемость и невменяемость.

С развитием естественных и социальных наук к началу XX в. криминалисты стали разграничивать основания невменяемости по субъективным и объективным признакам, понятие невменяемости стало рассматриваться изолированно от причин невменяемости. Например, авторы «Краткого курса русского уголовного права» 1908 г. уже обращали внимание на то, что причины, устраняющие вменяемость, должны отграничиваться от обстоятельств, исключающих преступность деяния (неправомерность), когда правонарушитель лишен способности самоопределения (ребенок, сумасшедший), и от обстоятельств, исключающих наказуемость деяния, когда действия вменяемого субъекта признаются непроступными (самооборона, крайняя необходимость)²³.

Развитие медицины, психиатрии, биологии, естественных наук и возникновение альтернативных позитивных школ уголовного права (антропологической и социологической) оказали влияние на воззрения криминалистов классической школы уголовного права в России, но не изменили их представлений о том, что в основе вменяемости или невменяемости лежит наличие у правонарушителя волевых и (или) интеллектуальных способностей.

Л.Е. Владимиров, например, полагал, что даже если согласиться с учением о природных свойствах преступников, их следует признавать вменяемыми, поскольку они осознавали совершаемое и действовали свободно²⁴. Вслед за А. Фейербахом Л.Е. Владимиров писал: «Раз им знакомо чувство страха перед карою уголовною, они вменяемы: значит их преступление было актом воли, выбиравшей между несколькими мотивами»²⁵.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Солнцев Г. Российское уголовное право. Ярославль, 1907. С. 56, 66.

² См.: Баршев С.И. Общие начала теории и законодательства о преступлениях и наказаниях. М., 1841. С. 19, 36.

³ См.: Учебник уголовного права, составленный В. Спасовичем. Т. 1. СПб., 1863. С. 111; Неклюдов Н.А. Общая часть уголовного права. СПб., 1875. С. 25.

¹ Solncev G. Rossijskoe ugovolnoe pravo. Jaroslavl', 1907. S. 56, 66.

² См.: Barshev S.I. Obshhie nachala teorii i zakonodatel'stv o prestuplenijah i nakazaniyah. M., 1841. S. 19, 36.

³ См.: Uchebnik ugovolnogo prava, sostavlennyj V. Spasovichej. T. 1. SPb., 1863. S. 111; Nekljudov N.A. Obshhaja chast' ugovolnogo prava. SPb., 1875. S. 25.

⁴ О презумпции вменяемости в уголовном праве и необходимости обращать большее внимание на невменяемость см.: Таганцев Н.С. Русское уголовное право: Лекции: В 2 т. М., 1994. Т. 1. С. 145.

⁵ По мнению Р.И. Михеева, например, понятие «вменяемость» не нуждается в законодательном закреплении, так как субъект уголовной ответственности предполагается вменяемым, если не будет доказано обратное, поэтому достаточно того, что в законе определено понятие «невменяемость». А с точки зрения С.В. Бородин, целесообразно было бы закрепить в уголовном законе норму о вменяемости (см.: Михеев Р.И. Основы учения о вменяемости и невменяемости в советском уголовном праве. Владивосток, 1980. С. 75; Бородин С.В., Полубинская С.В. Уголовное право и психиатрия: некоторые области и проблемы взаимодействия // Уголовное право: новые идеи. М., 1994. С. 84).

⁶ Фейербах А. Уголовное право. СПб., 1810. С. 82.

⁷ См.: Фельдштейн Г.С. Главные течения в истории науки уголовного права в России. Ярославль, 1909.

⁸ См., напр.: Солнцев Г. Российское уголовное право.

⁹ О воззрениях В. Евпат'евского, П. Гуляева см.: Фельдштейн Г.С. Главные течения в истории науки уголовного права в России.

¹⁰ См. об этом: Уголовное право. Общая часть: Учеб. / Под ред. Л.В. Иногамовой-Хегай, А.И. Рарога, А.И. Чучаева. М., 2005 (гл. X, § 2).

¹¹ См.: Российское уголовное право, составленное из Российских государственных узаконений титулярным советником Петром Гуляевым. М., 1826. С. 17.

¹² Учебник уголовного права, составленный В. Спасовичем. С. 117.

¹³ Владимиров Л.Е. Учебник русского уголовного права. Общая часть. Харьков, 1889. С. 42–43.

¹⁴ См.: Таганцев Н.С. Русское уголовное право. С. 152; Краткий курс русского уголовного права. Составлен применительно к программе юридической испытательной комиссии по учебникам Белогриц-Котляревского, Сергеевского и Фойницкого. Киев, 1908. С. 45–46.

¹⁵ См.: Таганцев Н.С. Русское уголовное право. С. 152.

¹⁶ См.: Баршев С.И. Общие начала теории и законодательства о преступлениях и наказаниях. С. 36.

¹⁷ Cit. по: Трахтеров В.С. Вменяемость и невменяемость в уголовном праве (исторический очерк): Учеб. пособие. Харьков, 1992. С. 41–43.

¹⁸ Учебник уголовного права, составленный В. Спасовичем. С. 117.

¹⁹ Об «искусственном дроблении» учения о вменяемости и невменяемости в уголовном праве XIX в. см.: Назаренко Г.В. Невменяемость в уголовном праве. Орел, 1994. С. 23–24.

²⁰ См.: Давыдов Н. Очерк теории уголовного права. СПб., 1860. С. 87.

²¹ См.: Баршев С.И. Общие начала теории и законодательства о преступлениях и наказаниях. С. 36.

²² См.: Будзинский С. Начала уголовного права. Варшава, 1870. С. 88–89.

²³ См.: Краткий курс русского уголовного права. С. 46.

²⁴ См.: Владимиров Л.Е. Учебник русского уголовного права. С. 45.

²⁵ Так же. С. 46.

⁴ О презумпции вменяемости в уголовном праве и необходимости обращать большее внимание на невменяемость см.: Tagancev N.S. Russkoe ugodolnoe pravo: Lekcii: V 2 t. M., 1994. T. 1. S. 145.

⁵ Po mneniju R.I. Miheeva, naprimer, ponjatje «vmenjaemost'» ne nuzhdaetsja v zakonodatel'nom zakreplenii, tak kak sub#ekt ugodolnoj otvetstvennosti predpolagaetsja vmenjaemym, esli ne budet dokazano obratnoe, pojetomu dostatočno togo, čhto v zakone opredeleno ponjatje «nevmenjaemost'». A s točki zrenija S.V. Borodina, celesoobrazno bylo by zakrepiť v ugodolnom zakone normu o vmenjaemosti (sm.: Miheev R.I. Osnovy učenija o vmenjaemosti i nevmenjaemosti v sovetskom ugodolnom prave. Vladivostok, 1980. S. 75; Borodin S.V., Polubinskaja S.V. Ugodolnoe pravo i psihiatrija: nekotorye oblasti i problemy vzaimodejstvija // Ugodolnoe pravo: novye idej. M., 1994. S. 84).

⁶ Fejerbah A. Ugodolnoe pravo. SPb., 1810. S. 82.

⁷ Sm.: Fel'dshtejn G.S. Glavnye tečenija v istorii nauki ugodolnogo prava v Rossii. Jaroslavl', 1909.

⁸ Sm., napr.: Solncev G. Rossijskoe ugodolnoe pravo.

⁹ O vozzrenijah V. Evpat'evskogo, P. Guljaeva sm.: Fel'dshtejn G.S. Glavnye tečenija v istorii nauki ugodolnogo prava v Rossii.

¹⁰ Sm. ob jetom: Ugodolnoe pravo. Obshhaja chast': Učeb. / Pod red. L.V. Inogamovoj-Hečaj, A.I. Raroga, A.I. Čučaeva. M., 2005 (gl. H, § 2).

¹¹ Sm.: Rossijskoe ugodolnoe pravo, sostavlennoe iz Rossijskih gosudarstvennyh uzakonenij tituljarnym sovetnikom Petrom Guljaevym. M., 1826. S. 17.

¹² Učebnik ugodolnogo prava, sostavlennyj V. Spasovičem. S. 117.

¹³ Vladimirov L.E. Učebnik russkogo ugodolnogo prava. Obshhaja chast'. Har'kov, 1889. S. 42–43.

¹⁴ Sm.: Tagancev N.S. Russkoe ugodolnoe pravo. S. 152; Kratkij kurs russkogo ugodolnogo prava. Sostavljen primenitel'no k programme juridicheskoj ispytatel'noj komisii po učebnikam Belogric-Kotljarevskogo, Sergeevskogo i Fojnickogo. Kiev, 1908. S. 45–46.

¹⁵ Sm.: Tagancev N.S. Russkoe ugodolnoe pravo. S. 152.

¹⁶ Sm.: Barshev S.I. Obshhie nachala teorij i zakonodatel'stv o prestuplenijah i nakazaniyah. S. 36.

¹⁷ Cit. po: Trahterov V.S. Vmenjaemost' i nevmenjaemost' v ugodolnom prave (istoričeskij očerok): Učeb. posobie. Har'kov, 1992. S. 41–43.

¹⁸ Učebnik ugodolnogo prava, sostavlennyj V. Spasovičem. S. 117.

¹⁹ Ob «iskusstvennom droblenii» učenija o vmenjaemosti i nevmenjaemosti v ugodolnom prave XIX v. sm.: Nazarenko G.V. Nevmenjaemost' v ugodolnom prave. Orel, 1994. S. 23–24.

²⁰ Sm.: Davydov N. Očerok teorij ugodolnogo prava. SPb., 1860. S. 87.

²¹ Sm.: Barshev S.I. Obshhie nachala teorij i zakonodatel'stv o prestuplenijah i nakazaniyah. S. 36.

²² Sm.: Budzinskij S. Nachala ugodolnogo prava. Varshava, 1870. S. 88–89.

²³ Sm.: Kratkij kurs russkogo ugodolnogo prava. S. 46.

²⁴ Sm.: Vladimirov L.E. Učebnik russkogo ugodolnogo prava. S. 45.

²⁵ Tak zhe. S. 46.